

УДК 821.161.1

Художественное осмысление проблемы бессмертия в лирике Н.М. Языкова

Косяков Геннадий Викторович - доктор филологических наук, профессор кафедры Литературы и культурологии Омского государственного педагогического университета. (ОмГПУ, г.Омск)

Аннотация: В статье рассматривается художественное и мировоззренческое своеобразие лирики Н.М. Языкова (1803–1846/1847), сыгравшего важную роль в развитии русского романтизма. В работе осмысляются ключевые мотивы и образные представления о генетической и объективированной формах бессмертия в лирике русского романтика.

Ключевые слова: Романтизм, художественная метафизика и онтология, хронотоп.

Творчество Н.М. Языкова органично вписано в контекст развития русского романтизма. Если в его раннем творчестве доминировали эпикурейские мотивы, то в поздних произведениях ощутимо стремление поэта к философскому обобщению, к осмыслению вечных религиозных проблем, к рефлексии [1]. О художественном даровании русского романтика писали многие его современники, в частности, И.В. Киреевский: «Но именно потому, что господствующий идеал Языкова есть праздник сердца, простор души и жизни, потому господствующее чувство его поэзии есть какой-то электрический восторг; и господствующий тон его стихов – какая-то звучная торжественность [2].

В поэзии русских романтиков В.А. Жуковского, Е.А. Баратынского, А.С. Пушкина, Д.В. Веневитинова, М.Ю. Лермонтова центральное место занимает проблема бессмертия, которая развивалась в трех направлениях:

1) религиозное упование на бессмертие души после физической смерти;

2) утверждение генетического бессмертия в потоке сменяющих друг друга поколений, в памяти потоков;

3) вера в то, что духовные интенции художника объективируются в произведении искусства, вызывая отклик в душах потомков.

В лирике Языкова данные ценностные направления в осмыслении проблемы бессмертия нашли самобытное художественное воплощение.

В элегии Языкова «На смерть бар. А.А. Дельвига» (1831) смерть соотносится с материнским «лоном жизни вечной». Данная метафора имеет архаические мифопоэтические истоки. «Лиры звон» воскрешает духовные доминанты поэта: «свободомыслящая лира», «стройность живая», «душой и лирой древний грек», «студент и русский человек». Представления об объективированной форме бессмертия включают несколько качественно новых ценностных аспектов. Во-первых, авторское сознание, воскрешая целостный образ поэта и человека, вступает с ним в ценностный диалог: тональность обращения акцентирована глаголами императивной формы в начале стихов: «Внемли», «Прими». Относительное бессмертие поэта создается благодаря сопричастности творческой деятельности, сфере вдохновения, которая роднит всех поэтов. Во-вторых, обращение лирического субъекта к умершему поэту в произведении искусства создает основу для объективации его духовных интенций и его относительного бессмертия. В произведении Языкова сочетаются две стилистических традиции – элегическая, для которой характерны инверсии, переносы, перифразы («щедроты бога света»), высокая лексика, и традиция, органичная для дружеских посланий, стихотворений на случай и эпиграмм, характеризующихся тональностью непосредственного дружеского диалога.

Сочетание данных стилистических традиций задает всему тексту и особенно финалу тональность задушевной беседы, естественного развертывания воспоминания, что служит органичной лирической формой для выражения авторской идеи о бессмертии художника в искусстве, о духовной связи поэтов.

В послании «Им» (1831) Языкова вступают в ценностное взаимодействие представления об объективированной и генетической формах бессмертия. В композиции данного

послания соотносятся два пира – юношеский пир, участником которого был поэт, и предвосхищаемый пир внуков. Настоящее и будущее в хронотопе взаимосвязаны: лирический субъект имманентно ощущает в себе жизнь будущих поколений, связь времен. «Имя доброе», слово памяти становится формой относительного воскрешения лирического субъекта в будущем. В.Я. Смирнов указывал: «Вследствие этого, как поэзия Батюшкова, так и поэзия Языкова, имеет субъективный характер» [3]. Однако личность в поэтической картине мира Языкова является органичной частью потока жизни.

Языков подчеркивает динамику относительного воскрешения в памяти потомков доминант мирозерцания лирического субъекта: «гром восклицаний», «возгласится». Лирический субъект предвосхищает свою идеальную сопричастность интимному дружескому кругу потомков, их пиру. Круг становится символическим выражением вечности и торжества жизни. В предвосхищаемой картине будущего значимую роль играет симфония звуков («разгульный хор звуков») как универсальная и целостная форма духовной памяти. Духовная связь поколений наполняет ценностным смыслом время, преодолевая его необратимое движение.

Объективированная форма относительного бессмертия утверждается в «Стихах на объявление памятника историографу Н.М. Карамзину» (1845) Языкова, лирический зачин которых («Он памятник себе воздвиг чудесный, вечный») корреспондирует к авторской позиции Пушкина в его стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Как и для Пушкина, для Языкова важны не материальные знаки памяти, а духовная память об историке в памяти русского человека, в русском слове. В основной части данного произведения Языкова, тяготеющего по своей интонационной организации и стилистике к жанру оды, труд историка представлен как воскрешение прошлого, диалог с ним: «почтенный собеседник», «обновилась старина». Поэт вступает в диалог с историком и создает образный ряд, обращая к «Истории государства Российского» от первых князей «с варяжскою дружиной» до смутного времени, создающий целостное представление о русской истории, ее поворотных вехах и ярчайших деятелях. Анафоры «вот», «и» помогают объединить отдельные имена исторических деятелей, события и воскресить их из мрака забвения, зримо их представить. Воскрешенное прошлое в труде историка, через перифразу соотнесенного с Волгой, по мысли Языкова, должно воскресить прошлое и в сознании читателя: «О! сколько дум рождает в нас...». Труд историка учит русских людей любить как земную историю, великое прошлое, культурное наследие и родную землю, так и высшие духовные ценности: «Огонь чистейший и святой!».

Финал, акцентирующий тезис об объективированной форме бессмертия («Бессмертен Карамзин!») обращает нас к лирическому зачину посредством образов «камня или кумира». Духовный труд историка, в сознании автора, не менее значим, чем слава

«гордого воеводы».

В элегии Языкова «Сияет яркая полночная луна...» (1846?) представлены две формы относительного бессмертия: в первой части элегии лирический субъект воскрешает своими воображением и памятью полноту жизни прошлого и образ возлюбленной. Доминантой воскрешаемого образа выступают очи, отражающие в себе глубину микро-и макрокосмоса, соотнесенные с небесным миром, наделенные охранительной функцией. В образе возлюбленной подчеркивается ее духовная сопричастность горнему миру («исполненная бога»), благодатно воздействующая на душу лирического субъекта, обращая его не к земным страстям, а к «мыслям о небесах». В финале возникает возвращение к началу элегии благодаря образу величественной ночи, «звездных полей», создающих метафизический пейзаж. Данная элегия показательна для творчества Языкова, который стремился преодолеть сформировавшиеся образные клише романтической элегической школы. И.М. Семенко указывает в этой связи: «Эффект неожиданности – важнейший прием языковской поэтики» [4].

Произведение искусства выступает формой объективации как духовных интенций возлюбленной, так и переживаний лирического субъекта. Определения «тверд и чист», контекстуально соотнесенные с образом звездного неба, подчеркивают соединение в хронотопе прошлого, настоящего, будущего и вечного, бессмертного. Образ «солнечных лучей» в финале элегии вводит мотив метафизического воскресения, эсхатологической полноты жизни. «Бессмертными» стихи делает именно то, что они проникнуты животворящим духом как лирического субъекта, так и его возлюбленной.

Итак, в лирике Языкова нашли отражение магистральные для русской романтической поэзии образные представления об объективированной и генетической формах бессмертия. Русский романтик акцентировал мотив духовного диалога, который одерживает победу над временем и физической смертью, воссоединяя поколения. Лирический субъект Языкова уповает на сохранение в мирозерцании потомков доминант собственного мироощущения.

Список литературы

1. Орлов, Л. Пути и судьбы: Литературные очерки [Текст] / Л. Орлов. – Л. : Советский писатель, 1971. – С. 258.

2. Киреевский, И.В. Полн. собр. соч.: В 2 т. [Текст] / И. В. Киреевский. – М. : Типография Императорского Московского университета, 1911. – Т. II. – С. 84.

3. Смирнов, В.Я. Жизнь и поэзия Н.М. Языкова [Текст] / В. Я. Смирнов. – Пермь : Типография Губернской Земской Управы, 1900. – С. 256.

4. Семенко, И.М. Поэты пушкинской поры [Текст] / И. М. Семенко. – М. : Художественная литература, 1970. – С. 198.

{social}